

Ирина Ратникова

Имена-мифологемы в белорусских масс-медиа : прагмастилистический аспект

Studia Rossica Posnaniensia 34, 131-139

2008

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИМЕНА-МИФОЛОГЕМЫ В БЕЛОРУССКИХ МАСС-МЕДИА: ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PROPER NAMES REPRESENTING SOCIAL MYTHOLOGY IN BELARUSIAN MASS MEDIA: A PRAGMALINGUISTIC ASPECT

ИРИНА РАТНИКОВА

ABSTRACT. The author's attention is focused on *Vilna* (*Vilnius*) – one of the toponyms (geographical names) that have acquired the status of cultural concepts and represent an important part of Belarusian national world view, such as *The Great Duchy of Lithuania*, *Grunwald*, *Mensk/Minsk*, *Kurapaty*, *Chernobyl*, and so on. *Vilna* is one of the most important Belarusian mythologems which represents the myth about the *Golden Age* of Belarus. The author does research into the *Vilna* concept in the field of a cognitive semantic paradigm. Belarusian periodicals, such as *Spadchyna*, *ARCHE*, *Nasha Niva* dated 2000–2005 and the Internet resources, were the source of the linguistic material. The author examines the correlation of *Vilna/Jerusalem*, *Vilna/Mensk*, and *Vilna/Vilnius* concepts.

Ирина Ратникова, Белорусский государственный университет, Минск – Беларусь.

Идеалы и мифы – неотъемлемая часть духовного мира человека, то, что формирует смысл его жизни. Содержание мифа как формы сознания составляет информация, которая в силу своей специфики не подлежит верификации и не оценивается через категории „истинно”/„ложно”. Под **социальным мифом** мы понимаем способ дотеоретического, донаучного осмысления мира, в котором воплощаются массовые ожидания, надежды, фобии. Социальный миф начинается как некая гипотеза, импровизированное суждение о действительности и превращается затем в единственно возможное и бесспорное ее видение. Соответственно, **мифологемами** мы называем языковые и когнитивные единицы (слова, концепты, образы), которые представляют тот или иной социальный миф, например миф об идеальном государственном устройстве, о способах достигнуть государственного расцвета, о спасителе нации и ее врагах, о земле обетованной и др. Например, антропонимы *Пиночет*, *Сталин*, *Петр Первый* и др. каждый по-своему представляют социальный миф о сильной руке как типе государственного лидера; топонимы *Тайвань*, *Кувейт*, *Гонконг* являются репрезентантами интеркультурного мифа об экономическом чуде. Для белорусского культурного пространства характерна оппозиция мифов, которые представляют советскую идеологию, с одной стороны, и идеологию *drugiego obiegu*, национальную идею – с другой. Например, мифы,

через которые воспринимаются и объясняются события Второй мировой войны, формируют оппозицию „республика-партизанка” – „Белорусский Резистанс”. Вообще тема социальных мифов для Беларуси является актуальной в силу специфики духовного состояния общества: белорусская история неоднозначно отразилась в общественной памяти.

Центральным объектом исследования в этой статье является один из тех прецедентных топонимов-мифологем, которые приобрели статус культурных концептов и составляют благодаря этому важную часть белорусской национальной картины мира (*Великое Княжество Литовское, Вильня, Грюнвальд, Менск/Минск, Куропаты, Чернобыль, Немига, БНР* и др.). По словам Чеслава Милоша, в Европе немного городов, которые подверглись бы такой мифологизации, как Вильня. Концепт *Вильня* как минимум 20 лет находится в центре внимания историков, деятелей культуры и медиа-коммуникаторов. Место этого феномена в белорусской культуре и национальном сознании как будто бы определено (с учетом спорных вопросов, которые неизбежно встают, когда исторический материал мобилизуется для актуальных потребностей дня). Мы говорим о топониме *Вильня* на метаязыке семантических исследований, в русле когнитивной парадигмы семантики.

Исследователи информационной сферы языка, которые ориентируются на когнитивную парадигму научного мышления, идут путями индукции или дедукции – исконных и универсальных способов мышления. Первый – это поиск общих закономерностей формирования и развития значения, второй – исследование содержания отдельных слов-концептов, в которых отражаются закономерности общечеловеческой культуры – характерные интеллектуальные, эмоциональные ассоциации и, вместе с тем, выявляются специфические черты каждого языка и культуры.

Инвентаризация слов-концептов, актуальных и частотных в массовой коммуникации (в том числе фольклорной и художественной) определенного периода, дает возможность создавать разные по количеству носителей „словари культуры”. Это может быть перечень глобальных культурных концептов-констант: „Правда”, „Закон”, „Душа”, „Любовь”, „Хлеб”, „Вода”, „Огонь”, „Язык” и т. д. Первый в восточнославянской филологии (и наиболее известный) опыт систематизации ценностей культуры, отраженных в концептах, принадлежит, как известно, академику Ю.С. Степанову¹.

Это может быть изменчивый фрагмент концептосферы языковой личности или социальной группы. Философ Ричард Рорти для обозначения ключевых лексем, без которых не может обойтись определенное лицо или некоторый социум в тот или иной период, употребляет термин „конечный (в другом переводе «окончательный») словарь” (*final vocabulary*): „Все человеческие существа придерживаются того запаса (*set*) слов, которые они употребляют для

¹ Ю.С. Степанов, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва 1997.

оправдания своих действий, убеждений и своей жизни... Я буду называть эти слова „окончательным словарем” личности... Эти слова определяют, как далеко человек может идти с языком... Небольшая часть „окончательного словаря” состоит из тонких, гибких и вездесущих слов вроде „действительный”, „верный”, „прекрасный”. Большая часть содержит более ригидные и ограниченные по употреблению термины, например „Христос”, „Англия”, „церковь”, „революция”². В Беларуси есть словарные материалы, которые можно квалифицировать как попытку создания „окончательного словаря” белорусского культурного пространства постсоветского периода, – во всяком случае они близки к определенному Ричардом Рорти социально обусловленному лексическому минимуму. Речь идет о концептуальном проекте Белорусской службы Радио Свобода „Слово дня”. Ежедневно на протяжении 1999 г. в эфире звучали слова, определяющие для социокультурных процессов: *аллергия, анекдот, Басовице, БНР, бело-красно-белый, бульба, Вильня, гешефт, джинсы, Деды, драники, душа, диаспора, ОМОН* и др. Давалось историческое и художественное толкование соответствующих явлений. Очевидно, что подбор лексем и их трактовка не всегда прошли бы научную верификацию, однако этот проект, несомненно, отразил интеллектуальное состояние белорусского общества. Позже материалы проекта были опубликованы в журнале „ARCHE”³ под названием *Словарь Свободы с подзаголовком XX век в белорусском языке*.

Подобный перечень ключевых слов эпохи может быть сужен до определенной лексической группы. Так, А.М. Мезенко предложила изучать когнитивный уровень языковой личности через ключевые имена культуры – то, что она назвала „ономастическим алфавитом” (совокупность имен собственных, которыми человек пользуется в своей жизни). Сама исследовательница составила вариант такого „алфавита” на основе анализа урбанонимов – названий внутригородских объектов Беларуси⁴.

Одной из задач белорусской когнитивистики сегодня является создание ономастического словаря культуры – словаря ключевых собственных имен, которые пока являются объектом отдельных, разрозненных исследований. При составлении „лингво-когнитивного портрета” того или иного имени-концепта используется методика, которая базируется на общих принципах концептуального анализа (учет этимологии имени, его интерпретации в разное время разными социальными группами, его сочетаемость, а также его ассоциативные связи). При этом рассматриваются два типа контекстов, в которых фигурирует ономастический концепт:

а) контексты, в которых имена являются предметом рассуждения, оценки, поэтической рефлексии, например: в эссе *Вильня в наших душах* белорусский

² Р. Рорти, *Случайность, ирония и солидарность*, пер. с англ., Москва 1996, с. 103.

³ *Слоўнік Свабоды. XX стагоддзе ў беларускай мове*, „ARCHE” 2000, № 7, с. 4–207.

⁴ А.М. Мезенко, *Имя внутригородского объекта в истории. Об урбанонимах Беларуси XIV – начала XX века*, Минск 2003.

поэт Рыгор Барадудлин пишет: „Вильня – пуповина нашей самоидентификации, колыбель белорусской государственности, родина белорусского печатного слова, та гора, которая еще возвышает нас в Европе” (перевод наш – И.Р.);

б) контексты, в которых это имя работает как любое другое слово, т.е. само обслуживает контекст и коммуникативные потребности субъекта речи, ср.: В „*Przewodniku*” Томаса Венцлавы готика – символ величия Вильни, знак глубины традиций европейскости... Как видим, снова поиск „золотого века”⁵.

Учитывая семантическую специфику имени собственного, очень продуктивным мы считаем метафорический анализ, предложенный и разработанный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в рамках когнитивной теории метафоры. Сущность когнитивного подхода к метафоре составляет тезис о существовании в человеческом сознании устойчивых отношений образной аналогии между понятиями, логически не связанными: „старость” – „осень”, „преступность” – „болезнь” и т. д. Наше повседневное мышление метафорично по сути своей. Анализ метафорических связей „открывает доступ” к вторичной, образно-метафорической картине мира. Поэтому мы очень внимательно рассматриваем контексты, в которых *Вильня* является объектом или средством метафорического осмысления. Например: *Во времена Великого Княжества Вильня сделалась центром еврейской жизни и еврейской науки – Литовским Иерусалимом*⁶. Топоним *Вильня* в свою очередь может быть средством метафорического осмысления абстрактных понятий (метафоры с основанием – абстрактной сущностью иллюстрируют один из магистральных путей метафорического переноса – от конкретного к абстрактному, от материального к духовному). Ср.: *У каждого исчезает своя Вильня* (свои национальные и исторические идеалы, возможно, иллюзии – И.Р.), *и каждый из нас по-своему склонен понимать вечность*⁷; *В этой своей работе я иду к Вильне. Я иду к Вильне. Мы идем к Вильне. Они идут к Вильне*⁸. Во втором случае метафора *идти к Вильне* может быть декодирована как поиск своих корней, своей этнической сущности.

Итак, ниже мы предлагаем свой вариант культурно-лингвистического портрета имени-мифологема *Вильня*, источником языкового материала для которого нам послужили белорусские издания „Спадчына”, „ARCHE”, „Наша Ніва”, „Белорусская газета” за 2000–2005 гг. и ресурсы Интернета.

Вильня – одна из важнейших мифологем белорусского культурного пространства. За этим топонимом стоит миф о золотом веке белорусской земли, когда Вильня была столицей Великого Княжества Литовского. В 20-е годы город имел неофициальный статус столицы Западной Беларуси. Мифологема

⁵ Д. Жук оўскі, *Ерусалімскі лес*, „ARCHE” 2003, № 5, с. 63.

⁶ В. Зайка, *Літоўскі Ерусалім: ужо нябачны простым вокам*, „ARCHE” 2003, № 5, с. 74.

⁷ А. Антанян, *Зніклая Вильня*, „ARCHE” 2003, № 5, с. 80.

⁸ М. Никлаеў, *Вильня і Літва ў расійскім друку*, „ARCHE” 2003, № 5, с. 94–103.

Вильня воплощает ориентир на пути белорусского народа к своему национальному возрождению. У каждого известного белорусского поэта есть стихи, посвященные Вильне (Якуб Колас, Янка Купала, Наталья Арсеньева, Максим Танк, Максим Лужанин, Пимен Панченко, Рыгор Барадулин и др.), однако хрестоматийной иллюстрацией того, какое место занимает концепт *Вильня* в белорусской национально-культурной картине мира, стали строчки поэта и диссидента Владимира Жилки:

Калі сябры нас гудзяць згубаю
І ворагі прарочаць скон,
Тады к Табе, о Вільня любая,
Прыводзяць згадкі ў палон...

Если использовать терминологическую дихотомию „познавательные концепты – художественные концепты”, предложенную Сергеем Аскольдовым, то Вильню следует отнести скорее к последним. При этом образ Вильни в поэзии Максима Богдановича, безусловно, повлиял на общее содержание топонимического концепта *Вильня* в дискурсе современности. В 20-е годы XX века Антон Навина (Луцкевич) выделил „три Вильни” Богдановича: *Одна – это шаблонно-банальное место, похожее на все другие современные места... Вторая Вильня – Вильня прошлого, ...которая на долгие века сохранила свой облик в своих извечных кривых улочках, в стародавних постройках, костелах... Третья Вильня ...является кузницей белорусской возрожденческой идеологии – сердцем новой Беларуси*⁹.

Узус для функционирования слова-концепта *Вильня* в современном публицистическом и художественном дискурсе Беларуси – это его поэтизация, понимание его как символа. В стилистическом плане тексты, посвященные Вильне, характеризуются возвышенностью, торжественностью или сентиментальностью. Ср. стихотворение Зенона Позняка (1986):

Калі б спыталі:
– Дзе сэрца Беларусі?
Я б адказаў:
– У Вільні.
Калі б спыталі:
– Дзе святасць Беларусі?
Я б адказаў:
– У Браме Вострай.

С присущей ему эмоциональностью Рыгор Барадулин пишет в эссе *Вильня в наших душах*: „Вильня – это глубина кривицкого духа, бездонного, как небо, непостижимого, как сама жизнь. Каждый кривич, каждый белорус носит Вильню в своей душе” (перевод наш – И.Р.). Поэт Владимир Мороз лирически

⁹ А. Н а в и н а, *Вильня ў беларускай літаратуры*, „ARCHE” 2003, № 5, с. 149.

прощается с Вильней: „Белорусский мой путь, материнский утраченный дом” (*Прощание с Вильней*).

Наблюдается и противоположная тенденция – нейтральная или даже ироничная тональность при описании города. Адам Глобус изображает бытовую картинку в жанре хайку (1990):

Вільня, ціхі двор.
Пад шэраю сцяною
Папараць расце.

В стихотворении *В нашей Вильне* (2003) он предлагает такое пародийно-фамильярное видение „кривицкой Мекки”:

Мароз у Вільні. Дзень цудоўны.
Мой сябра беларускамоўны
П’е брэндзі. Я гарбату п’ю.

Этой же тональности придерживается и недавний эмигрант Славомир Адамович:

Карбанат і салата з морквы,
Два па сто і таматны сок... –
І крыніца сяброўскай гаворкі
Забруяла ў віленскі змрок.

Снижение сакрального образа – естественная реакция на излишнюю пафосность. Как писал Станислав Ежи Лец, иногда ирония восстанавливает то, что разрушил пафос. Кстати, образцы легковесного, ернического, даже саркастического стиля письма о Вильне есть и у Янки Купалы. Ср. его стихотворение, посвященное ресторану „Шуман” (1909):

„Шуман” – Вільні кроў і косць,
Быў і будзе, як і ёсць.

В современном белорусском публицистическом дискурсе системные связи имени собственного *Вильня* реализуются в следующих парах единиц: *Вильня – Иерусалим*, *Вильня – Мекка*, *Вильня – Вильнюс*, *Вильня – Минск*.

Вильня-Иерусалим

Еще в средневековье толкователи Библии выделили у топонима *Иерусалим* один „литеральный сенс” („город на земле”) и три духовных: аллегорический („церковь”), топологический, или моральный („душа верующего”), аналогичный („град Божий”). В *Словаре коннотативных собственных имен* Евгения Отина приводятся следующие метафорические значения этого топонима: 1. ‘святыня (о предмете материальной культуры)’; 2. ‘священное место, место поклонения, царство небесное (в сочетании с прилагательным *горний*)’¹⁰.

¹⁰ Е. О т и н, *Словарь коннотативных собственных имен*, Донецк 2004, с. 177.

Иерусалим как фокус метафоры, которая образно выявляет статус Вильни в национальном сознании, выступает в сопровождении рамочных атрибутов *литовский, северный* (характеристика по месту), *белорусский, свой, собственный* (характеристика по принадлежности). Ср.: *Правда об этом городе, пусть и в завуалированной форме, нашла воплощение в метафорическом выражении „Литовский Иерусалим”*¹¹; *Для еврейских историков Вильня все равно остается „Северным Иерусалимом”, одним из важнейших в мире центров еврейской культуры*¹². При этом в метафорическом смысле топонима *Иерусалим* выделяются три слоя: 1) *Вильня* – это воплощение расцвета еврейской религиозной и культурной жизни на землях ВКЛ; 2) *Вильня* – объект духовных устремлений различных народов, поскольку Вильня и Виленщина играют большую роль в мифологии национальной государственности поляков, белорусов, литовцев; 3) сакральный статус Вильни как национальной духовной святыни.

Интересно, что компоненты этой метафоры могут меняться местами: „единая и вечная” столица Израиля, город, за которым стоит система мифов (включая „освобождения Иерусалима” и „возвращение в Иерусалим”), еврейская святыня характеризуется через образ святыни белорусской: *Утратив свою Вильню-Иерусалим, евреи все же сумели туда вернуться* („Наша нива” 2000, 28 декабря).

Вильня-Мекка

Метафорическое выражение *кривичская Мекка*, которое часто встречается у белорусских публицистов, вошло в белорусскую фразеологию благодаря Владимиру Жилке. С этой метафоры начинается второе стихотворение из дилогии *Стихи о Вильне*:

О Вильня, крывіцкая Мекка!
О места – ўсё цуд, хараство!

Мекка, название главного города Саудовской Аравии, родины Мухаммеда, религиозного центра ислама, имеет узуальное, т. е. отраженное в словарях, метафорическое значение – „место, которое является объектом поклонения, паломничества”. Эта метафора в печати выявляет мировую роль, статус, перспективы разных городов. Так, согласно белорусской прессе, *Франкфурт – книжная Мекка*, *Нью-Йорк – Мекка самостоятельных женщин*, *Бомбей – завтрашняя Мекка программистов*, *Амстердам – Мекка сторонников нетрадиционных отношений*, *Минск*, по словам белорусского экс-премьер-министра, *Мекка для инвесторов* и т. д. При этом если *Львов – Мекка „украинскости”*, то *Вильня – Мекка „белорусскости”*.

¹¹ Д. Жук о ўскі, указ. соч., с. 61.

¹² Ч. Мілаш, *Вильня*, „ARCHE” 2003, № 5, с. 69.

Вильня-Менск/Минск

Концепты *Вильня* и *Менск/Минск* образуют в современном белорусском публицистическом дискурсе оппозицию по признаку „духовная столица – политическая столица”. Семантическая оппозиция *Вильня – Менск* как соотношение двух столиц – старой и новой – сложилась давно. Ее первое художественно-публицистическое осмысление находим в статье Антона Навины (Луцкевича) *Два центра* (1918): „Если мысль белорусского политического деятеля обращается сегодня к Менску, мысли ученых плывут к Вильне”¹³. В статье *Вильня в белорусской литературе* (1925) он продолжает эту тему:

Менск, современная столица Белорусской Народной Республики, ...не имеет того, что имеет Вильня: не имеет живой до сих пор 6000-летней исторической традиции, не имеет бесспорных памятников старинной культуры и искусства, а главное – не имеет своей особенной Души, которую имеет надвильейская столица и которая выглядывает из каждой улочки старых кварталов Вильни¹⁴.

Еще более категоричное отношение к проблеме „Вильня или Менск?” высказывает В. Жилка в письме к А. Навине (1925):

Осуществление подлинной суверенности нашего народа, подлинной независимости произойдет только в Вильне... или нигде. Менск – этап в развитии и продвижении нашей идеи¹⁵.

Реминисценции такого понимания „виленского вопроса” прослеживаются и в публицистическом дискурсе начала XXI века. Ср. фрагмент эссе Сергея Павловского:

Из сегодняшнего Менска не видно той притягательной звезды, которая манила бы идеальную Беларусь... Менск может оставаться политической столицей, но в вопросах духовности и культуры он – только этап („Наша нива” 2001, 5 октября).

Иногда в поэтическом дискурсе *Менск* как воплощение Родины *in real time* „побеждает” Вильню, как, например, в стихотворении Адама Глобуса *Менск и Вильня* (2002):

У Вільні ўтульна і выдатна спіцца...
Ды толькі ў Менску на Радзіме я.

В публицистике также наблюдается сопротивление ментальному стереотипу „Вильня – наше все”, который Сократ Янович, например, трактует как проявление духовной инертности, называя Вильню „столицей слабых”. Встречаются попытки представить этот стереотип как результат мечтательности, аристократической возвышенности белорусской души, которая тянется

¹³ А. Навина, *Два цэнтры*, „ARCHE” 2003, № 5, с. 138.

¹⁴ А. Навина, *Вильня ў беларускай літаратуры*, указ. соч., с. 146.

¹⁵ У. Жылка, *Выбраныя творы*, Минск 1998, с. 274.

к вещам недостижимым. Так, Алесь Белый в эссе *Рабі пільна – і тут будзе Горадня* (парафраз белорусской поговорки *Рабі пільна – і тут будзе Вільня*) предлагает альтернативу духовной столицы, приводя заслуживающие внимания историко-культурные аргументы. Однако сам автор признает невозможность преодолеть главный миф белорусского сознания:

Чего стоят вещи в Стране Грез? В Королевстве Беларусь, столицей которого может быть только Вильня... („Наша нива” 2005, 27 мая).

Вильня-Вильнюс

Разные национальные формы топонима (*Вильня – Вильнюс*) образуют в белорусском национальном сознании оппозицию по семантическому признаку „свое – чужое”. При их столкновении в контексте может развиваться аксиологическая антитеза „одобрение – неодобрение”:

Вильня, Вилнэ, Вилно... Издавна, столетиями, город еврейский, польский и белорусский – буквально за несколько десятилетий мутировал, превратился в город литовско-русский, Vilnius /Вильнюс¹⁶.

Характерна также оппозиция *христианская святыня – музей атеизма* („Наша нива” 2005, 27 мая). В белорусской культурной среде отношение к сосуществованию этих названий может быть довольно категоричным:

Если литовцы называют наши города Гардиносом (Гродно – И.Р.) и Новгордукасом (Новогрудок – И.Р.), они тем самым не делают территориального захвата. Просто для их истории, культуры и образования это очень важно. Как для нас очень важно не путать собственных школьников мудрёными объяснениями, в каком таком *Вильнюсе* был схвачен и повешен Кастусь Калиновский и в каком таком *Вильнюсе* Янка Купала редактировал первую белорусскую газету „Наша нива”¹⁷.

Можно утверждать, что топонимические названия *Вильнюс* и *Вильня* имеют на белорусском культурном пространстве разный когнитивный статус: мыслительным аналогом *Вильнюса* является единичное понятие об определенном географическом объекте, который не является обычно предметом эмоций, рефлексии, *Вильня* отражается в национальном менталитете как ключевой концепт культуры.

¹⁶ В. З а й к а, указ. соч.

¹⁷ *Слоўнік Свабоды. XX стагоддзе ў беларускай мове*, указ. соч.